

II. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

Публикация С. С. Волка и К. Г. Ляшенко

Предисловие и комментарии С. С. Волка

Царизм преследовал Тургенева при жизни и его память после смерти. Редактор либеральной петербургской газеты «Голос» А. А. Краевский рассказывал, что Александр III, когда ему доложили о кончине Тургенева, сказал: «Одним нигилистом меньше». Слышавший этот рассказ литератор В. П. Гаевский, упоминая о запрете студентам собирать деньги на венок писателю и других полицейских мерах, записал в дневнике: «Мертвый Тургенев продолжает пугать министров и полицию»¹.

Откровенная вражда правительства к Тургеневу стала, видимо, еще более злобой после того, как живший в Париже Лавров опубликовал письмо, в котором сообщал, что издаваемому им революционному периодическому изданию «Вперед!» Тургенев оказывал регулярную денежную помощь².

Правительство делало все возможное, чтобы заглушить интерес общественности к похоронам Тургенева. В Департаменте полиции завели даже «дела» по этому поводу.

Решение Городской думы произвести погребение тела за счет жителей Петербурга было опротестовано градоначальником Грессером³. Директор Департамента полиции В. К. Плеве потребовал от псковского и виленского губернаторов и жандармских властей принять вдоль Варшавской железной дороги «без всякой огласки с особой осмотрительностью меры к тому, чтобы <...> не делалось было торжественных встреч». В дополнительной телеграмме Плеве сообщал, что министр внутренних дел гр. Д. А. Толстой приказал «не допустить речей»⁴.

Все эти приказания держались в тайне. Петербургским газетам 17 сентября был разослан секретный циркуляр Министерства внутренних дел: не сообщать ничего о полицейских распоряжениях по случаю погребения, кроме официальных извещений. Об этом циркуляре оповестила общественное мнение народовольческая листовка⁵.

Следствия правительственных мер сказались тотчас по приходе специального вагона с гробом на пограничную станцию Вержболово. Чтобы не допустить прибытия тела в столицу в праздничный день, Департамент полиции приказал задержать вагон на три дня на границе.

Сопровождавший гроб с прахом писателя М. М. Стасюлевич сообщал тогда в своих письмах: «хотели запретить тело на три дня в сарай с прочей кладью, но я и священник воспротивились». Когда, наконец, вагон двинулся, его стал сопровождать жандармский офицер. В другом письме Стасюлевич писал: «Памятны для меня были эти три дня, не только в этом году, но в течение всей моей жизни! Ведь можно подумать, что я везу тело Соловья-разбойника!»⁶

Из Петербурга отменили посвященное памяти Тургенева заседание Общества любителей российской словесности в Москве, на котором предполагалось выступление Льва Толстого.

Начальник управления по делам печати Е. М. Феоктистов предупредил отношением министра внутренних дел о том, что Толстой — «человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи — и скандал будет значительный»⁷.

В самом Петербурге полиция произвела еще более тщательные приготовления. 27 сентября тотчас по прибытии поезда на Варшавский вокзал траурный кортеж направили на Волково кладбище.

Вдоль похоронного шествия стояли войска, по пути следовал усиленный наряд полиции и около ста агентов. Повсюду на кладбище, у ограды, у церкви, у могилы находились крупные полицейские отряды, сновало 130 «наблюдательных агентов». Кругом забора было поставлено около 500 казаков. Публика допускалась на кладбище только по билетам. Речи, произнесенные на кладбище, прошли предварительную цензуру градоначальника Грессера, который в этот день лично следил за «порядком».

«О ПОХОРОНАХ
ИВАНА СЕРГЕЕВА ТУРГЕНЕВА»
Дело Департамента полиции, 21 сентября—
20 октября 1883 г. Обложка.
Центральный архив Октябрьской
революции, Москва

В. П. Гаевский в дневнике отметил, что на похоронах не было «ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация, видимо, была напугана»⁸.

Хотя намеченная накануне группой передового студенчества демонстрация на похоронах не состоялась из-за обилия полиции, революционной молодежи удалось распространить на кладбище только что отпечатанную в «летучей» народовольческой типографии М. П. Шебалина прокламацию «И. С. Тургенев», написанную поэтом-народовольцем П. Ф. Якубовичем. «Над незарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа происходит настоящая свалка», — писал он, обличая «нововременских факиров» и «бульварных руководителей общественного мнения» вроде Суворина, а также трусливых либералов, стремившихся затушевать общественное значение Тургенева и доказать, что он был «художник-поэт и ничего более»⁹.

Листовка П. Ф. Якубовича выразила настроения не только революционного народничества, но и всей передовой молодежи¹⁰. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма нескольких петербургских студентов (об одном из них известно только, что он народовец), перлюстрированные для Департамента полиции в сентябре 1883 г. Эти письма резко контрастируют с робким и заискивающим письмом М. И. Венюкова, так же как и другие русские либералы, перепуганного публикацией заявления Лаврова и его появлением на официальной панихиде в русской церкви в Париже 26 августа 1883 г.

* * *

Смерть и похороны Тургенева имели революционизирующее значение. О вызванном ими подъеме в русском передовом обществе см. также далее материалы обзора Л. Р. Ланского «Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева».

<1>

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА М. И. ВЕНЮКОВА¹¹ ИЗ ПАРИЖА
ОТ <29 АВГУСТА> 10 СЕНТЯБРЯ 1883 г.
к АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БОЛЬШЕВУ В ПЕТЕРБУРГ

Отпевание Тургенева, к сожалению, не обошлось без глупой демонстрации, в которой мне искренно жаль священника Васильева. Представьте: священник только что водворил гроб на катафалк среди церкви и пошел в алтарь, чтобы начинать обедню, как Лавров и К^о большою толпою вошли в церковь и положили сзади гроба, то есть лицом к входу церкви, венок с надписью по-французски: «*Réfugiés russes*»*, а затем водворились на самых видных местах церкви. Священник ничего этого не видал и, вероятно, немало был изумлен открытием венка перед панихидою. А между тем в половине обедни приехал посол князь Орлов в ленте, приехали Лорис-Меликов, разные штатские генералы и проч. и всем им приходилось при поклонении покойнику прямо склоняться на оппозиционный венок. Но этого мало: в тот же день все вечерние парижские газеты говорили о венке и надписи, при сем находившейся, все упоминали об Орлове и др., что едва ли им может быть приятно. Наконец, бестактность эмигрантов завершилась письмом Лаврова, напечатанным в радикальной газете «*La Justice*», там же он возвещает *urbi et orbi*** , что Тургенев при жизни давал ежегодно по 500 фр. ему, Лаврову, на издание революционного журнала «Вперед!»... И это в то время, когда Тургенев еще не похоронен, даже не привезен в Петербург, где вследствие подобных глупых выходок может состояться запрещение публичных похорон. И для чего это? Для того, чтобы показать из-за угла шиш русской полиции! Ребятишки!..

Пометы на полях: 1) *Рукою министра внутренних дел Д. А. Толстого:* Не мешало бы поместить это в записку государю. 6 сентября; 2) *рукою директора Департамента полиции В. К. Плеве:* Исполнить резолюцию его сиятельства; 3) *рукою чиновника:* Помещено 12/IX***.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 6, л. 92—92 об.

<2>

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Ю. Ф. БЕЛОПОЛЬСКОГО¹²
ИЗ ПЕТЕРБУРГА ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1883 г.
к ФЕДОСЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ПОПЛАВСКОЙ В КИЕВ,
ФОТОГРАФИЯ ДЕ-МЕЗЕРА НА КРЕЩАТИКЕ

Наше, то есть молодежи и в частности мое, житье можно охарактеризовать: «как-нибудь живем, а что дальше будет — не знаем». Так что нового и занятного ничего здесь в этом самом умственном и жизненном центре нет. Только все выше и громче раздается «песнь торжествующей свиньи»¹³, — ну да это еще бабушка надвое сказала! Скоро будем хоронить Тургенева, и в пику этой самой свинье мы похороним его с превеликим торжеством, а свинья заявляет, что это «потрясение основ и польская интрига», ибо Иван Сергеевич ни Геок-Тепе не брал, ни столоначальником ни в каком министерстве не состоял, а написал какие-то «Записки охотника».

* «Русские эмигранты» (франц.).

** городу и миру (лат.).

*** Многочисленные пометки о документах, разосланных по различным ведомствам — в основном жандармским управлениям, — нами не воспроизводятся.

Подписной лист

№ 28

в пользу русской Тургеневской библиотеки

Max Herz

40 F

4

Alexander

100 F

Gilbert L...

60 F

Victor Bérard

5 F

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ В ПОЛЬЗУ РУССКОЙ ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. ПАРИЖ, 883

Экземпляр, сохранившийся в бумагах П. Л. Лаврова
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Козловскому, если желаете, передайте поклон и следующую вещь: что адрес мой и небольшую посылку он получит чрез одного едущего из Питера в Киев на днях.

Пишите мне по следующему адресу: С.-Петербург, студенту Технологического института Юрию Федоровичу Белопольскому.

Помета на полях В. К. Плеве: Справку о нем.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 8—8 об.

<3>

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Я. ЛУРЬЕ¹⁴ ИЗ ПЕТЕРБУРГА
ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1883 г. к СТУДЕНТУ УНИВЕРСИТЕТА
ФИШЕЛЮ ТОЛКАЧЕВСКОМУ¹⁵ В КИЕВ

Замечательно, как власти косо смотрят на сочувствие, оказываемое Тургеневу: фотограф Шапиро¹⁶ выставил портрет Тургенева в траурной драпировке, а полиция распорядилась снять его; в Университете запретили собирать на венок Тургеневу; говорят, что нарочно для этого приезжал Грессер к ректору в Университет. Роза пишет, что Лавров напечатал в газете «Justice» заявление, в котором говорит, что Тургенев был сотрудником в газете «Вперед!» Здесь, конечно, похороны Тургенева будут

торжественны и многолюдны; полагают даже, что будет что-то с демонстра-
тивным характером.

С исключенными в прошлом году по высшему разряду¹⁷ происходит комедия или, лучше говоря, трагедия: на поданное Делянову прошение он отвечал, что прием в Университет не зависит от него, а зависит от ректора. Здесь слышно, что новый устав, так называемый «Катковский»¹⁸, в Совете министров провалился; но Катков, говорят, ждет случая вроде студенческих волнений и тогда думает провести свой устав помимо Совета, прямо через царя.

От Розы я получил уже третье письмо: она через Ромбро познакоми-
лась со многими русскими эмигрантами, теперь она очень нуждается в
деньгах, и я ей сегодня выслал 26 руб. Адрес ее: Vincennes (près de Paris),
rue de l'Eglise, M-me Mauprivez, à M-lle Reichenstein.

От Белькинда и сестра его давно не имеет письма: она мне сообщила,
что был где-то съезд эмиграционистов под председательством Леванды, на
котором решили, что эмиграцию следует поддерживать и что впереди дви-
жения должна быть учащаяся молодежь.

Мой адрес: Коллегия императора Александра II при С.-Петербургском
университете, студенту Я. Лурье.

Пометы на полях: 1) *рукою Д. А. Толстого:* Следовало бы об этом сту-
денте предупредить И. Д. Делянова. 9 сентября; 2) *рукою В. К. Плева:*
Собрать сведения о том, кто такая Роза. Выяснить подробности личности
Лурье. Исполнить резолюцию министра (о способе переговорить со мною).
Обратить на адреса внимание; 3) *рукою чиновника:* Доклад вашему превос-
ходительству для исполнения резолюции министра последует по полу-
чении сведений о Лурье.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 17—17 об.

<4>

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЗА ПОДПИСЬЮ «СЕМЕН»¹⁹

ИЗ ОДЕССЫ ОТ 11 СЕНТЯБРЯ 1883 г.

K M-LLE G. TETELMANN²⁰, MONTREUX (SUISSE), POSTE RESTANTE

У нас теперь какая-то странная жизнь. Все живут, словно медведи в
берлогах и рыбы под льдом, лишённые личного «я»; а между тем затишья
в обществе теперь никакого нет. Разве гниющий пруд не заключает в себе
миллионы жизней? Газеты, несмотря на драконовские строгости цензуры,
исподволь сообщают то об одном, то о другом убийстве, хищении, грабе-
же. Кроме этих официальных известий, идет своя неутомимая работа об-
щественных трихин, нас разъедающих. Еще пройдет немного времени, и
страшно будет за человека. Прежде были торжествующие свиньи, а теперь
пойдут волки. С этим народом труднее будет справиться. Благодарю вас
за описание знаменитого замка, но мы в тысячу раз богаче гнилого Запада
и шиллионскими узниками, и всякими замками и замками.

Учительница Софии Ш. была тягаема и подвергаема пытливому доп-
росу во святой инквизиции, узнавшей, что лет 15 тому назад она давала
концерты с благотворительной целью и отдавала деньги не на нужды свя-
тых отцов, а будто бы на дело.

Тургенев умер; стоит теперь еще умереть Щедрину и тогда хоть живьем
в гроб ложись! Везде эти люди заменяли нам и парламент, и сходки, и
жизнь и свободу!

Пометы на полях рукою В. К. Плева: Какие имеются сведения об этой
Тетельман. В. П.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 25—25 об.

<5>

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЗА ПОДПИСЬЮ М. В. ИЗ ПЕТЕРБУРГА
ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1883 г.
к СТУДЕНТУ АРКАДИЮ ЛЬВОВИЧУ ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ
В ОДЕССУ, УНИВЕРСИТЕТ

Хотя я думал отправиться с венком от Медицинской академии, но я охотно согласился быть представителем от бывших товарищей одесситов. Рабочие некоторых заводов, приславшие венки с депутациями, не были внесены в список без всяких причин; тем же, которым удалось добиться участия в похоронах Тургенева, было приказано надписи на венках «от рабочих такого-то завода» заменить словами: «от почитателей». Слово «рабочий» стало, видите ли, уже нелегальным²¹. До такой степени ночные воры боятся света, возможности пробуждения среди темного люда иных, высших чувств, кроме животных инстинктов! Но факт добровольного участия рабочих в чествовании Тургенева весьма поучителен, — его ничем не замаскируешь!

Только смерть заставляет нас встрепенуться, так мало в нас жизни! Грустно, товарищ!

Буря бы грянула, что ли?!

Чаша с краями полна!²²

Постойте, может быть, мне придется сообщить вам и о подвигах живых для живых. Veniat, veniat tempus et quidem celeriter, — sive properabis sive retractabis!*

Помета на полях В. К. Плева: Собрать об авторе сведения.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 50—50 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Из дневника В. П. Гаевского». — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 231.

² См. об этом выше, стр. 237—238.

³ Л. С. Утевский. Смерть Тургенева. Пб., 1923, стр. 71.

⁴ Ю. Никольский. Дело о похоронах И. С. Тургенева. — «Былое», 1917, № 4, стр. 148—149.

⁵ Литература партии «Народной воли». Париж, 1905, стр. 953.

⁶ Стас., т. III, стр. 237—238.

⁷ Ю. Никольский. Указ. статья, стр. 153.

⁸ «Красный архив», 1940, № 3, стр. 233.

⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 951—952.

¹⁰ См. подробнее выше, стр. 238.

¹¹ Михаил Иванович Венюков (1832—1901) — путешественник и этнограф; корреспондент «Колокола», впоследствии придерживался либеральных взглядов; с 1877 г. — эмигрант.

¹² Г. (Ю.) Ф. Белопольский — студент-технолог; с 1881 г. народоволец. Видимо, после перлюстрации публикуемого письма, за ним было установлено наблюдение. В мае 1884 г. он был арестован и выслан из Петербурга. Упоминаемый в письме Козловский, скорее всего Д. Ф. Козловский — киевский народоволец.

¹³ «Песнь торжествующей свиньи» — перефразировка тургеневского названия «Песнь торжествующей любви» в соответствии с щедринским выражением «торжествующая свинья» («За рубежом», гл. 6), по замыслу сатирика означавшим наступившее с царствованием Александра III господство реакции.

¹⁴ Я. Лурье — студент Петербургского университета, находился под надзором полиции.

¹⁵ Ф. Толкачевский — Ф. М. Тукацнер-Толкачевский — студент 3-го курса Медицинского факультета Киевского университета. Подозревался в рассылке революционных прокламаций, уволен из университета в 1884 г.

¹⁶ К. Шапиро — известный тогда фотограф, выполнявший поручения землеволь-

* Должно прийти время, к тому же быстро, — будешь ли ты его торопить или оттягивать! (лат.).

цев и народовольцев по распространению портретов известных революционеров. В канун похорон Тургенева он устроил студенческую сходку. По донесению градоначальнику «одного лица, пользующегося полным доверием, присутствовавшего на сходке», «Шапиرو во время сходки держал себя как истый революционер». Он настаивал, чтобы демонстрация на похоронах непременно состоялась (Ю. Н и к о л ь с к и й. Дело о похоронах И. С. Тургенева. — «Былое», 1917, № 4, стр. 153 и 154).

¹⁷ Имеются в виду студенты, исключенные из Петербургского университета в ноябре—декабре 1882 г. в связи с протестом против адреса царю («ноляковская история»).

¹⁸ Новый (более реакционный по сравнению с уставом 1863 г.) университетский устав был прозван «Катковским» по имени одного из его вдохновителей—редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова.

¹⁹ Семен — вероятно, Соломон Коган («Евг. Симановский», «Е. Семенов»), студент Новороссийского университета в Одессе, народоволец; работал в одесских кружках под руководством В. Н. Фигнер. Дал откровенные показания, после чего был выпущен на поруки. Эмигрировал в Швейцарию.

²⁰ Екатерина (Катерина) Александровна Тетельман — участница одесских народовольческих кружков (см. Г. Б о р з я к о в. Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг. — «Каторга и ссылка», 1929, № 8-9, стр. 134). В эмиграции вышла замуж за видного участника Военной организации «Народной воли» Э. А. Серебрякова.

²¹ Свидетельство неизвестного М. В. о том, что в похоронах Тургенева приняли участие рабочие нескольких заводов, возможно, следует связать с теми беседами о творчестве писателя, которые проводились в рабочих кружках Петербурга народовольческой группой В. А. Бодаева, Н. М. Флерова, И. И. Попова. Особенно большое впечатление на рабочих производили беседы связанного с этой группой П. Ф. Якубовича, который после рассказа о жизни Тургенева очень выразительно читал «Записки охотника» и некоторые «Стихотворения в прозе».

По воспоминанию И. И. Попова, один рабочий кружок действительно хотел возложить на гроб венок с надписью: «Тургеневу — рабочая группа партии „Народная воля“». Публикуемое письмо отчасти подтверждает это сообщение мемуариста. Попов, однако, объясняет далее, что сама народовольческая организация решила воздержаться от всякой демонстрации и в том числе от венка, чтобы не дать восторжествовать охранникам, в изобилии стянутым к траурной церемонии (И. И. П о п о в. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 гг. — «Народовольцы после 1-го марта 1881 г.» М., 1928, стр. 63; И. И. П о п о в. Минувшее и пережитое. Л., 1924, стр. 110).

²² Цитата из стих. Некрасова «Песня народного борца» (1868).